

**Александр
БАЛТИН**
г. Москва

Самая смертная связь...

К 85-ЛЕТИЮ НИКОЛАЯ РУБЦОВА

Необыкновенное, тонкое и грозное ощущение Руси у Рубцова выливается в чеканную формулу:

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Сколько лет истории, сколь пышных и ярких звёзд высыпано в реальность этим стихотворением:

*Пустынный свет на звездных берегах
И вереницы птиц твоих, Россия,
Затмит на миг
В крови и жемчугах
Тупой башмак скуластого Батыя!..*

Любовь к Руси – не просто характерная черта всякого большого русского поэта: это код творчества, у Рубцова данный в напевности и метафизическом осмыслении дымных исторических далей и торжественного движения рек:

*...Как я подолгу слушал этот шум,
Когда во мгле горел закатный пламень!
Лицом к реке садился я на камень
И все глядел, задумчив и угрюм,*

*Как мимо башен, идолов, гробниц
Катунь неслась широкою лавиной,
И кто-то древней клинописью птиц
Записывал напев ее былинный...*

Клинопись птиц – мимолётное и навсегда остающееся в сознание движение: небесных букв, сложенных в дыхание легенд, небесных знаков, дающих грозное или великое предзнаменование...

«Философские стихи», звучащие сгустками смыслов, уводят лестницей времени к осмысленной бытийного кода: будто даётся через образный строй, поддержанный необыкновенной напевностью, код самой Руси...

Но «Философские стихи» – это и подспудный ключ, родником бьющий в большинстве стихов мастера, ибо без осмысления жизни нет жизни: холостая инерция тела, не более.

А Рубцова в той же мере можно посчитать поэтом-философом, как и словесным живописцем русской жизни – всегда на фоне великолепно выписанных пейзажей.

...ибо и тяжесть может обернуться лёгкостью.

Ибо – угрюмо – столько раз повторённое в одноимённом стихотворении, кончается провидческим просветлением:

*И стало угрюмо, угрюмо
И как-то спокойно душе.*

Поскольку без высокого спокойствия, выношенного лучшими сынами Отечества, жизнь зашла бы в тупик – когда не провалилась бы в гнилую яму.

* * *

Холмы возникают как символы: пейзажа, жизни, тревоги; ибо спокойствие подразумевает гладь; холмы в стихотворении Рубцова, исполненном исторического движения, возникают, светясь былым:

*Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны,
Неведомый сын удивительных вольных племён!
Как прежде скакали на голос удачи капризный,
Я буду скакать по следам миновавших времён...*

Тут не будет «еловой готики русских равнин» и каждая строфа будет замкнута на замок точки; готика эта перенасыщенным культурологическим раствором возникнет у Бродского – в стихотворении «Ты поскачешь во мраке...».

*И там, и там – быстрое движение.
И там, и там холмы...*

Невозможен лесной царь, обернувшийся к стихотворению Рубцова; невозможна жалость к разрушенным церквам в стихотворении Бродского.

Невозможно сближение – и в то же время – оно очевидно. Так, на противоречиях держится многое.

Таинственная тревога, разлитая в строфах Бродского, пропитана светом луны: или даже – солнцем луны: приглушённым, холодным.

Таинственное путешествие по временам у Рубцова согрето необыкновенной грустью, разлитой в недрах всего его поэтического свода.

*Конский топот, страх, одиночество всадника.
Щедрость пейзажа,
оборачивающаяся его скудостью.
Движение и холмы, холмы и движение...*

Рубцов завершает стихотворение более прозаически; Бродский – уже глаголет не о жизни, а о:

*... а другая какая-то боль
приникает к тебе, и уже не слышать,
как приходит весна,
лишь вершины во тьме непрерывно шумят,
словно маятник сна.
Словно, проскакав положенное,
некто оказывается в запредельности.
Или – может быть, не было скачки?
Или всё приснилось всаднику?*

Возможно, и стихотворения – такие разные, во многом перекликающиеся, просто приснились авторам, в результате чего поэзия несомненно выиграла...

* * *

Таинственные мерцания, произвольно ощущаемые чутким читателем за поэтической формой и сутью стиха, свидетельствуют – помимо подлинности дара – не о написанности стихотворения, а об услышанности его, доказывая, таким образом (пусть косвенно), наличие иных измерений, помимо нам привычных.

Ибо – откуда приходят стихи, часто неизвестно и самому поэту...

Ибо, когда мы читаем:

*В горнице моей светло.
Это от ночной звезды.
Матушка возьмет ведро,
Молча принесет воды...*

Мы ощущаем магические, волшебные вибрации: тайны космоса, далёких недр мироздания.

Самые простые слова, простейшая картинка деревенской жизни, но...

Ведь ночью не приносят воду!

Так не положено, а у сербов (братская культура, братская же мифология) принесённая ночью вода считается нечистой и питью не подлежит.

Так возникает потусторонний колорит, и вся картина, виртуозно выписанная словесным мастерством Рубцова, точно увидена сквозь плёнку, характерную для потустороннего существования, про которое ничего не известно...

Банально повторять, что поэт предчувствовал раннюю смерть, однако вчитываясь:

*Красные цветы мои
В садике завяли все.
Лодка на речной мели
Скоро догнет совсем.*

Ощущаешь, будто означенные строки именно живописуют не совсем обычную реальность, и лодка... вовсе не то транспортное средство, что известно всем.

И хоть дальше говорится о грядущем дне, завершение стихотворения можно воспринимать двойственно:

*Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе...*

Лодка тут возможно та, что увозит в последнюю запредельность...

Так, вроде бы простой деревенский колорит стихотворения раскрывается вдруг совершенно инако: оно вырастает до фантастического мистического цветка, чьи лепестки отсвечивают такой тайной, которую разгадать не представляется возможным.

* * *

Святая Русь и Родина-мать; волшебный, осиянный Китеж, бесконечно всплывающий, но так и не всплывший; богатыри, потеснённые современностью; святые, оставшиеся в золотых недрах веков...

Мало у какого народа есть такое отношение к Родине. Старая добрая Англия? Да, но это больше связано с земным.

Прекрасная Франция? Опять же – шанс победы...

Разве что мать-Индия, великая, переливающаяся огнями небесных самоцветов страна...

И – Русь.

И мало кто из поэтов так выразил чувство Родины, жившее во многих (сейчас уже – под гнётом технократизма и колоннами капитала – вряд ли):

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Хрестоматийные, но – каждый раз по-новому звучащие строки; нежность тишины, всеприемство – в духе великого утописта и провидца Николая Фёдорова – данные началом стихотворения:

*Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...
Мать моя здесь похоронена
В детские годы мои.*

Тут тишина икон, великое молчание пакибытия, разлив смыслов, как разлив рек, чьи излучины так серебряно-точно передавал Михаил Нестеров.

Рубцову достаточно бы было написать одно стихотворение, чтобы засияло оно, каждой гранью облучая грядущих людей, достаточно, но...

У него – несмотря на его полубезумную, архитектуру, насквозь пробитую жизнь – целый пласт стихов; стихов, где слова стоят густо, где подогнаны они одно к другому так, что невозможен скальпель критического разреза:

*Стоит жара. Летают мухи.
Под знойным небом чахнет сад.
У церкви сонные старухи
Толкутся, бредят, верещат.*

Это – навскидку, просто пример, выписывать можно долго.

Но главное, что определяло, что звучало через стихи Рубцова: голос России – России тихой, со скорбными избами, бесконечными, уходящими в «небеси» пластами полей, и – будущей: России Китежа, солнца духа и света, которого нам не представить сейчас.

* * *

От родного воздуха – то прокалённого зимним морозом, то прогретого лучевой силой солнца – идущие стихи... С тою мерой естественности, как будто и не написаны они – услышаны, со зримостью образов, точно перешедших, легко и добровольно, в них, такие народные...

Понятие «народность» – применительно к поэзии – сильно третирировалось последние годы, пожалуй, оно вообще сведено на нет. Тем не менее именно ощущение пульсаций, идущих в плазме, в гуще народа, определяет высоту и подлинную меру стиха.

Н. Рубцов слышал её: пульсацию народа, тонкие токи земли.

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

Как мощно, легко и природно выдохнуто, введено в реальность...

Молитва словно мерцает за строками: высокая, данная силою небесных пластов, великолепно-поэтическая молитва.

...А вот – низовое, вечно бурлящее и бушующее в русском естестве, не поддающемся сужению:

*Сколько водки выпито!
Сколько стекол выбито!
Сколько средств закошено!
Сколько женщин брошено!
Чьи-то дети плакали,
Где-то финки звякали...*

*Эх, сивуха сивая!
Жизнь была... красивая!*

Страшно и точно, или – страшно точно.

...Кладбище часто возникает в поэзии Рубцова: и как конкретика, ожидающая всех, и как глобальный символ; кладбище, чьи могилы становятся звёздами, перекликающимися таинственно с пургой:

*Я пойду по угрюмой тропе,
Чтоб запомнить рыданье пурги
И рождённые в долгой борьбе
Сиротливые звезды могил.*

Но звёзды иные манили Рубцова – сияющие из запредельных пространств духа, обещающие преображение всего: через грусть, через сквозные и такие вроде бы спокойные ритмы хрестоматийного стихотворения «В горнице моей светло...», через всё бездорожье российское, головотяпство, частое нежелание убирать грязь у себя под ногами: звёзды той силы и тайны, которые рождали легенды о запредельном будущем, которое должно состояться, которое творится уже сейчас: в том числе благодаря высотам, которые может предложить поэзия.

Александр Львович БАЛТИН

родился в Москве в 1967 году.

Поэт, прозаик, публицист.

Автор 84 книг и свыше 2000 публикаций в изданиях России,

Украины, Белоруссии, Казахстана, Молдовы, Италии,

Польши, Болгарии, Словакии, Чехии, Германии,

Израиля, Эстонии, Ирана, Канады, США и др.

Его стихи звучат на радиостанциях «Центр», «Говорит Москва» в исполнении автора и народного артиста СССР Е. Я. Весника.

Переведены на итальянский и польский языки.

В 2013 году вышла книга «Вокруг Александра Балтина»,

посвящённая творчеству писателя.

Член Союза писателей Москвы.

